

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

К.М. Труевцев

**ГОД 2011 – НОВАЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ВОЛНА?**

Препринт WP14/2011/05

Серия WP14

Политическая теория
и политический анализ

Москва
2011

УДК 321
ББК 66.3
Т 78

Редактор серии WP14
«Политическая теория и политический анализ»
М.Ю. Урнов

Труевцев, К. М. Год 2011 – новая демократическая волна? : препринт WP14/2011/05 [Текст] / К. М. Труевцев ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом «Высшей школы экономики», 2011. – 28 с. – 150 экз.

Публикуемый текст посвящен анализу политических событий 2011 г. Главными из них стали волнения в арабских странах, получившие название «арабской весны». Эти события так или иначе отразились на политической жизни подавляющего большинства стран региона, а в ряде из них привели к свержению правящих режимов.

В тексте содержится анализ хода, технологии, акторов и предварительных итогов «арабской весны», рассматривается глобальное воздействие этого процесса, а также его последствия для России и других государств СНГ.

УДК 321
ББК 66.3

Труевцев Константин Михайлович – кандидат философских наук, доцент кафедры общей политологии НИУ ВШЭ.

Truevtsev, K. 2011 – A New Democratic Wave? : Working paper WP14/2011/05 [Text] / K. Truevtsev ; National Research University “Higher School of Economics”. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. – 28 p. – 150 copies.

The main content of this text is an analysis of political events in 2011. The most important of these events happened in the Arab World and are named as ‘an Arab Spring’. This political process touched more or less deeply political life of the majority of the countries of the region, in some of them it led to an overthrow of the ruling regimes. The analysis of the mentioned political process includes its passage, technology, actors and transitional results.

It also includes the Global reflection of ‘the Arab Spring’ as well as its influence upon Russia and other Post-Soviet States.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Труевцев К.М., 2011
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2011

Введение

Данная публикация основана на ряде моих докладов и выступлений, прежде всего на докладе на научной конференции «Украина и Ближний Восток: проблемы, вызовы и перспективы развития сотрудничества», организованной Одесским региональным филиалом Института стратегических исследований при Президенте Украины 4 октября, а также докладе на научном семинаре кафедры прикладной политологии НИУ ВШЭ 18 октября 2011 г.

В то же время данная публикация носит предварительный характер, она является своего рода эскизом большого материала, посвященного политическим процессам 2011 г. Предварительный – во-первых, потому что сами эти процессы еще отнюдь не завершены, их результаты носят пока лишь предварительный характер, во-вторых, потому что и процесс их осмысления мною по сути своей промежуточен. Однако уже на этом этапе я хотел бы поделиться теми результатами осмысления этих процессов, которые имеются на сегодняшний день, по свежим следам событий.

На этом этапе я не хотел привлекать арсенал комментариев и аналитической литературы, которая уже есть по этой проблематике, поскольку на этой стадии разработки материала это, на мой взгляд, несколько мешает его самостоятельному осмыслению. Поэтому в материале в основном имеются ссылки на те источники, на основании которых строилась фактология и хронологическая последовательность событий.

***

Политические процессы, которыми стал столь богат 2011 г., невольно вызывают подозрения в тектонических сдвигах, происходящих в политическом устройстве и имеющих в конечном счете глобальное измерение. Часть из них уже произвела существенный политический эффект в форме состоявшегося или очевидно намечившегося реформирования странового или регионального политического спектра, другая часть еще ждет своего отражения в институционально-политическом плане.

Это дает возможность предположить, что речь идет о новой волне демократизации, подобной политическому процессу 1989–1991 гг., или более раннему – конца 1960-х, апогеем которого был 1968 г.

Несомненной кульминационной точкой событий нынешнего года стал политический процесс в арабских странах, получивший название «арабской весны»¹.

Этот процесс заслуживает особого, по возможности детального рассмотрения, и поэтому здесь он прежде всего будет подвергнут анализу, однако попутно пока заметим, что дело ведь отнюдь не ограничилось им².

«Арабская весна» – ход, технология, акторы и промежуточные итоги

Первые волнения в арабском мире начались в Тунисе 24 декабря 2010 г. в окрестностях города Сиди Бусаид, являющегося фактически пригородом столицы страны. В течение недели они охватили практически всю территорию республики и достигли апогея 12–14 января, когда полиция открыла огонь по выступавшей оппозиции, но это только усилило волнения, и президент Зин аль-Абидин бен Али 14 января бежал из страны. Президентом, согласно конституции, был провозглашен спикер парламента Фуад Мебаза, было сформировано временное, по существу, правительство национального единства вплоть до выборов в Учредительное

---

¹ В арабском мире выделяются прежде всего шесть стран: Тунис, Египет, Ливия, Йемен и Сирия, где гражданское противостояние (а в Ливии гражданская война с прямым участием вооруженных сил НАТО) привело или приводит к смене политического режима, а также Бахрейн, где сдвиги подобного рода удалось остановить лишь вторжением войск Саудовской Аравии. Вместе с тем следует отметить, что волнения в той или иной степени охватили большинство из 22 членов Лиги арабских государств, не затронув лишь ОАЭ, а также Ливан, Судан, Сомали и Палестинскую автономию, учитывая тот факт, что в последних четырех уровень политической нестабильности, и так перманентно высокий, хоть заметно и не повысился, но и не понизился в период волнений в арабском мире.

² Помимо того что волнения, начавшиеся под лозунгом «Захвати Уолл-стрит», охватили 82 страны, противостояние на грани гражданской войны с неослабевающей силой бушевало в Греции, Англия была объята волной уличных беспорядков, массовые акции гражданского протеста прошли в Италии, Испании, Франции, Бельгии, Португалии. В Индии вспыхнуло массовое движение против коррупции, вынудившее парламент принять соответствующие законодательные акты; сведения, просачивающиеся из Китая, свидетельствуют о волнениях в провинциях и о масштабном выходе членов КПК из партии. Такой глобальный охват политических волнений в течение одного года не имеет прецедента в истории.

собрание, которые прошли 24 ноября 2011 г. Уже состоявшимся итогом произошедших событий стало не только свержение правившего режима, но и происходящее изменение конституционного строя, поскольку задачей Учредительного собрания является выработка новой конституции.

Волнения в Тунисе вызвали «эффект домино». В Египте волнения, аналогичные тунисским, происходили с 25 января по 11 февраля 2011 г. и закончились не менее драматично – отставкой правительства, а затем и президента Хосни Мубарака с последующим преданием его суду, на котором ему предъявлены обвинения, грозящие смертным приговором. Власть перешла к Высшему совету Вооруженных сил во главе с генералом ат-Тантави. Так же, как и в Тунисе, была распущена правящая национально-демократическая партия, выборы назначены на конец 2011 – начало 2012 г.

В Алжире беспорядки начались, как и в Тунисе, в декабре 2010 г. и продолжались в феврале – марте 2011 г. В них приняли участие как исламисты, так и оппозиционные берберские партии, однако одной из главных движущих сил было оппозиционное «Национальное объединение за перемены и демократию», проведшее 12 февраля демонстрацию с требованием отставки президента Абдельазиза Бутефлика и отмены закона о чрезвычайном положении.

24 февраля А. Бутефлика издал указ об отмене закона о чрезвычайном положении, который действовал в стране почти 20 лет. Тем не менее полиция и дальше продолжала жестко подавлять выступления оппозиции.

В Иордании первые выступления прошли в середине января 2011 г. Почти сразу манифестанты стали заявлять о политических требованиях, включая отставку премьера Самира ар-Рифаи. 1 февраля король Абдалла II отправил в отставку правительство и предложил посты в новом правительстве представителям оппозиции, однако те отказались.

25 февраля оппозиция потребовала проведения досрочных выборов и внесения изменений в конституцию, включая положения, ограничивающие власть короля. Направление предложенных изменений – превращение страны в конституционную монархию.

24 марта оппозиция разбила палаточный лагерь в центре Аммана, потребовала отставки нового премьера Маарифа аль-Бахита, прекращения репрессий и проведения политических реформ. Произошли столкновения демонстрантов с полицией. На следующий день палаточный лагерь был ликвидирован, однако волнения продолжались и в апреле.

Волнения в Йемене начались в январе. 26 февраля о переходе на сторону оппозиции заявили шейхи доминантных на севере страны племенных союзов Хашид и Бакиль³. Эпицентром волнений была и остается столица – город Сана, хотя их размах вовсе не ограничивается ею, а охватывает многие части страны, включая традиционно оппозиционный юг.

Уже в марте события достигли одной из кульминационных точек, когда восставшие захватили ряд правительственных зданий. На сторону восставших перешел один из лидеров племенного союза Хашид Салех Мохсен аль-Ахмар, командующий бронетанковой дивизией и сводный брат президента.

26 марта президент А.А. Салех впервые заявил о своей отставке и передаче власти вице-президенту Абд Раббо Мансуру Хади. Для урегулирования внутренней ситуации в Йеменской Республике была создана комиссия Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), выработавшая план, который стал своего рода ультиматумом А.А. Салеху: уход в обмен на гарантии от судебного преследования в отношении него и членов его семьи. Йеменский президент сначала этот план отверг, но уже 11 апреля его канцелярия заявила о согласии.

Тем не менее президент не ушел, а кровавые столкновения продолжались. Еще одной их кульминационной точкой стал конец мая – начало июня. В ходе одного из столкновений 3 июня президент получил ранение и выехал на лечение в Саудовскую Аравию. Несколько раз он заявлял о готовности уйти в отставку и провести досрочные выборы. Тем не менее противостояние продолжалось вплоть до конца ноября 2011 г. 24 ноября А.А. Салех наконец подписал в Эр-Рияде план ССАГПЗ, в соответствии с которым он ушел в отставку, передав власть вице-президенту на переходный период в 90 дней, в течение которых должны состояться президентские выборы.

Первые протестные акции в Саудовской Аравии прошли 29 января в городе Джидде, а затем продолжились после ареста учредителей новой политической организации «Партии исламской уммы», причем в протестном движении приняли участие шииты Восточной провинции. Король Саудовской Аравии молниеносно отреагировал на начало протест-

---

³ Достаточно сказать, что президент Али Абдалла Салех вряд ли смог бы занять свой пост и столь долго удерживать его, если бы не опирался на поддержку племенного союза Хашид, из которого сам же и происходит.

ного движения, выделив многомиллиардные субсидии на социальную поддержку населения и одновременно продемонстрировав решимость жестко пресекать любые действия оппозиции.

На 11 марта в королевстве был назначен «День гнева», но попытки его провести были в зародыше подавлены властями. Однако протестное движение шиитов в Восточной провинции обрело определенный размах и даже усилилось после введения Саудовских войск на Бахрейн.

Волнения на Бахрейне начались 14 февраля 2011 г. Во время демонстрации оппозиции в столкновении с силами правопорядка погиб человек. На следующий день во время похорон произошла гибель еще одного демонстранта. 16 февраля на Жемчужной площади столицы собрались тысячи бахрейнцев. Они разбили палаточный городок и переименовали площадь по аналогии с каирской в площадь ат-Тахрир (площадь Освобождения).

Волнения продолжались вплоть до 16 марта. В ходе них выдвигались требования политических реформ и отставки премьер-министра.

14 марта 1000 военнослужащих из Саудовской Аравии и 500 полицейских из ОАЭ прибыли на Бахрейн. 15 марта было введено чрезвычайное положение сроком на три месяца. 16 марта на главную площадь столицы были введены войска, при разгоне демонстрации погибло несколько человек, сотни получили ранения. 17 марта были произведены аресты руководителей оппозиции.

18 февраля массовые беспорядки начались в Джибути. Произошли ожесточенные столкновения. Демонстранты требовали досрочной отставки президента, клан которого правит в стране с момента получения независимости. Демонстрации и столкновения продолжались вплоть до 3 марта, сопровождалась арестами руководителей оппозиции. 8 апреля в стране прошли президентские выборы, на которых победу с результатом 80% голосов одержал прежний президент Исмаил Омар Гелех.

В Ливии столкновения начались 15 февраля 2011 г. в городе Бенгази на востоке страны. 17 февраля «День гнева» прошел в ряде крупнейших городов. 18 февраля в ходе столкновений с полицией в Бенгази были первые убитые, а 20 февраля против демонстрантов были применены вертолеты и крупнокалиберное оружие. Несмотря на ввод элитных войск, город вскоре перешел в руки восставших, после чего уже в марте по всей стране развернулась полномасштабная гражданская война.

Перелому в войне в пользу восставших способствовало принятие Советом Безопасности ООН 18 марта резолюции об объявлении бесполет-

ной зоны над Ливией, что было использовано силами НАТО не только для подавления авиации и сил ПВО М. Каддафи, но и для масштабного военного вмешательства на стороне оппозиции.

Силы оппозиции (по некоторым данным, не без участия спецназа ряда стран НАТО) захватили столицу страны Триполи 21–22 августа. Власть в стране перешла в руки оппозиции. 20 октября М. Каддафи был схвачен и убит.

В Марокко народные волнения начались 20 февраля в крупнейшем городе страны Касабланке. Они носили в основном мирный характер, выявив поляризацию в обществе по поводу проекта новой конституции. Противники проекта считали, что перемены, предлагаемые в нем, носят косметический характер и требовали более радикальных реформ структуры власти. Сторонники же полагали, что проект новой конституции достаточно расширяет права и полномочия парламента и премьер-министра.

1 июля 2011 г. новая конституция была принята на референдуме 99% голосовавших при явке 73% избирателей.

Февраль 2011 г. стал началом волнений и в Кувейте. Они начались на северо-западе страны среди гастарбайтеров, выступивших с требованием о предоставлении гражданства, доступа к работе в госсекторе, а затем перекинулись на пригород эль-Кувейта ас-Салибию, где к ним уже присоединились и граждане Кувейта с политическими требованиями. Хотя эмиру в марте удалось частично умиротворить выступления беспрецедентными денежными вливаниями в виде «эмирского гранта», предоставляемого каждому гражданину, в середине месяца волнения возобновились с требованием политических реформ, включая отставку премьера.

31 марта правительство Кувейта подало в отставку. Протесты с политическими требованиями, утихнув весной, возобновились осенью 2011 г.

В Омане беспорядки начались 26–27 февраля в западной провинции Дофар, а затем перекинулись на морской порт и промышленный центр Сохар, а также на оазис аль-Бурейми. Они продолжались вплоть до середины апреля, в ходе них были убитые и раненые.

В Катаре не было уличных беспорядков, тем не менее в Интернете в феврале распространялись обвинения в адрес правящей династии и исполнительной власти и призывы к проведению демонстраций протеста. 3 марта появилось сообщение о предотвращении государственного переворота.

Не стала исключением из общей картины и Сирия. Волнения там начались позже, чем в других странах, 18 марта, в городе Дераа на границе с Иорданией. Уже 19–20 марта начались вооруженные столкновения, перекинувшиеся на Дамаск, Алеппо, Хомс, Латакию и другие города, а также на ряд провинций.

В Сирии действует закон о чрезвычайном положении, на основании которого подавляются любые протестные выступления. Манифестанты, начиная с 20 марта, стали требовать его отмены и суда над теми, кто виновен в расстреле демонстрантов. Политические требования стали нарастать, включая требования радикальных политических реформ, отставку правительства и президента Башара Асада. Кровавые столкновения продолжались в столице и других частях страны в течение всех последующих месяцев 2011 г. и привели к многочисленным жертвам. Фактически они поставили страну на грань гражданской войны⁴.

Приведенный обзор событий я старался сделать как можно более сухим и отстраненным, дабы максимально убрать из него приводящие оценочные, идеологические моменты, которые либо содержались в самом исходном тексте, либо были внесены в него вольно или невольно из новостных источников, и оставить лишь изложение (по возможности, хронологическое) событий и фактов. Какие выводы можно сделать из него?

Во-первых, впечатляет размах процесса, охватившего практически все не объятые до того гражданскими войнами и процессами государственного распада арабские страны, за исключением ОАЭ. Не случайно поэтому некоторые наблюдатели идентифицируют этот процесс как «панарабскую революцию».

Во-вторых, не менее впечатляет и хронология, обнаруживающая исторически беспрецедентную синхронность событий в разных арабских

⁴ Данный обзор составлен по хронологии событий в русском и английском вариантах Википедии: [ru.wikipedia.org/wiki/Революция_в_Тунисе_\(2010–2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Революция_в_Тунисе_(2010–2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Революция_в_Египте_\(2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Революция_в_Египте_(2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Алжире_\(2010–2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Алжире_(2010–2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Иордании_\(2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Иордании_(2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Революция_в_Йемене_\(2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Революция_в_Йемене_(2011)); [ku.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Саудовской_Аравии_\(2011\)](http://ku.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Саудовской_Аравии_(2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Бахрейне_\(2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Бахрейне_(2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Революция_в_Ливии_\(2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Революция_в_Ливии_(2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Марокко_\(2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Марокко_(2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Кувейте_\(2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Волнения_в_Кувейте_(2011)); [ru.wikipedia.org/wiki/Восстание_в_Сирии_\(2011\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Восстание_в_Сирии_(2011)); 2011Djiboutian protests www.google.ru/search?q=jibuti+riots&ie=utf8&oc=utf8&sq=t&rls=Материалы,_касающиеся_Омана_и_Катара,_а_также_часть_материалов,_касающихся_Сирии,_Йемена,_Саудовской_Аравии,_Алжира_и_Иордании,_почерпнуты_также_из_ресурса_www.golden-ship.ru/knigi/10/pts/polittsunami.AocIDCZxb4HQ8cad=rjt.

странах: региональность их масштаба дополняется тем обстоятельством, что их пик почти повсеместно приходится на февраль – март 2011 г., а еще точнее – на середину февраля – начало марта, т.е. укладывается в рамки трех-четырех недель. Исторические аналогии просматриваются, пожалуй, лишь в трех случаях: 1) революционный процесс в России – Европе 1917–1921 гг.; 2) освобождение африканских колоний в 1960 г., названном на этом основании Годом Африки; 3) революции 1989 г. в Восточной Европе. Однако первые два исторических прецедента все же уступают панарабскому процессу в масштабах свертывания исторического времени-пространства в одну кульминационную точку, и лишь последний схож по времени, но все же уступает по масштабам пространства.

Такая перманентность революционного процесса всегда завораживает и очень часто толкает на путь простейших объяснений, что и происходит в отношении событий в арабском мире.

В-третьих, обращает на себя внимание «неклассичность» развертывания процесса. Мы настолько привыкли рассматривать революционные события по схеме «экономический кризис – социальное недовольство – политический взрыв», что отсутствие первого, экономического компонента заставляет усомниться в возможности неэволюционных политических перемен глубинного свойства.

О том, что глобальный экономический кризис в гораздо меньшей мере затронул арабский мир, чем большинство других крупных регионов, причем это относится не только к богатым нефтедобывающим странам, таким как Ливия и Алжир, не говоря уже о монархиях Персидского залива, но и к странам среднего достатка типа Сирии или Египта, мне уже приходилось писать два года назад⁵, и это тем более верно сегодня, когда накал экономических неурядиц снизился, причем опять же для арабского региона в большей степени, чем для Запада, учитывая благоприятную нефтяную конъюнктуру.

Повод для экономического недовольства всегда найдется, и экономические мотивы звучали среди прочих в Тунисе, Египте и даже в Ливии. Примерно так же обстоит дело с социальными мотивами, например, с недовольством наиболее ущемленных национальных или конфессиональных групп, таких как шииты на Бахрейне, гастарбайтеры в Кувейте, кабилы в Алжире или копты в Египте. При всем их значении, не эти мотивы

---

⁵ См.: Труевцев К.М. Мировой экономический кризис и арабский мир: сценарии и реальность // Полития. 2009. № 3. С. 157–169.

вы были решающими в ходе выступлений, и не они были в числе основных и главных требований выступавших⁶.

Главным требованием, которое абсолютно доминировало во всех или почти во всех выступлениях, было изменение существующих политических институтов, с той лишь разницей, что в одних случаях оно сводилось и в конечном счете свелось к требованию существенного реформирования структур – прежде всего исполнительной – власти, а в других – приводило и в ряде случаев привело к свержению этой, опять же прежде всего исполнительной, власти.

В-четвертых, совершенно новым для арабского мира и не ожидавшимся, даже не предполагавшимся большинством экспертов и аналитиков еще за два года и даже за год до начала выступлений, был состав участников выступлений и прежде всего тех общественно-политических сил, которые оказались если не авангардом, то, по крайней мере, главными или одними из главных зачинщиков, равно как такой же непредсказуемой оказалась и технология организации выступлений.

В самом деле, кто мог себе представить заранее, что в Тунисе, например, одними из видных участников и организаторов выступлений станут местные рэперы, сохранившие особую популярность и по сей день, что не только там, но и в Египте, на Бахрейне и даже в сохранившей средневековый колорит Санае среди них будет столь много женщин, что в Египте мусульмане будут протестовать в одних рядах с коптами, что на Бахрейне, наряду с шиитами, будет достаточно широко представлена и суннитская община, что в Кувейте вместе с негражданами выступят и представители коренного населения, включая членов парламента?

Из примерно тридцати зарегистрированных политических партий Египта восстание поддержала одна десятая часть. Правившая Национально-демократическая партия была его главным противником, салафитская партия «Нур» не поддержала его, подавляющее же большинство зарегистри-

---

⁶ Шиитский фактор на Бахрейне превратился в главный довод подавления восстания только потому, что шииты представляют большинство населения страны, поэтому и процентная доля в среде выступавших была наибольшей, и, естественно, произошло переплетение интересов правящего на Бахрейне суннитского клана и правящих групп Саудовской Аравии, ОАЭ и других монархий Персидского залива, где шиитский фактор играет важную политическую роль, а учитывая непосредственную близость Бахрейна к шиитскому Ирану, даже потенциальная опасность прошиитского переворота на этом стратегически важном острове могла повлечь за собой цепную реакцию во всех указанных странах, существенно изменив тем самым и геополитическое соотношение сил в регионе в пользу Ирана.

стрированных партий оказались практически вне поля народных выступлений.

Главными организаторами и участниками выступлений стали недавно появившиеся на политической арене движения. Среди них выделяются возникшее несколько лет назад «Движение 4 апреля», сформированное на базе забастовочного движения в Хелуане и других индустриальных центрах, а также молодежное движение «Кифая» («Хватит»), аналог украинской «Поры» и грузинской «Кмары» (последняя в переводе с грузинского тоже звучит как «хватит»). Массовости выступлениям добавило участие в них членов до сих пор не разрешенной официально партии «Братья-мусульмане» и ее филиалов. Вместе с тем очевидно, что мусульманское братство не было изначально среди главных организаторов и участников волнений, а присоединилось к ним, ощущая, что политическая инициатива в рядах оппозиции, почти безраздельно принадлежавшая ему в прежние годы, начала переходить к другим силам.

Уже после начала волнений стали создаваться новые политические партии. Всего с весны по октябрь 2011 г. их образовалось около десятка. Среди них выделяется социал-демократическая партия, а также ряд партий левого, либерального и консервативного направления. В своем большинстве они заявляют о себе как об оппозиции – теперь уже военному – режиму, осуществляющему контроль в стране⁷.

Переформатирование политического спектра, появление на его арене новых политических сил, ряд которых изначально оформлялись не как партии, а как массовые общественно-политические движения, стали довольно характерной картиной не только для Египта, но и для других арабских стран, охваченных волнениями. Столь же характерным с приближением выборов становится объединение этих движений, а также вновь образовавшихся партий в избирательные блоки. В этом отношении нынешний политический процесс в арабских странах напоминает положение в Восточной Европе, начиная с осени 1989 г., позднеперестроечный Советский Союз, где в ряде республик создавались народные фронты, а в Российской Федерации – рамочное движение «Демократическая Россия». Схожие аналогии просматриваются и с «цветными революциями» на Украине, в Грузии и Киргизии.

Следует отметить и фактор неожиданности, который сыграл и практически всегда играет закономерную роль во всяких политических пере-

---

⁷ Данные взяты из [List of Political Parties in Egypt, en.wikipedia.org/wiki/List_of_political_parties_in_Egypt](http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_political_parties_in_Egypt).

воротах: в данном случае речь идет о том, что характер и размах волнений стали неожиданностью не только для аналитиков, но, что более важно, для властей соответствующих стран, на какой-то момент парализовали их способность к адекватному реагированию. В результате мы видим либо паралич власти, как это было в Тунисе и Египте, либо чрезмерное применение силы, которое не дает должного результата.

Важно, однако, выяснить, что именно дало выступающим это преимущество внезапности. Речь идет о технологическом факторе. Если в индустриальную эпоху ключевым являлся захват доминантных стратегических инфраструктурных объектов (достаточно вспомнить фразу В.И. Ленина о телеграфе, телефоне, почтамте и мостах), то в информационную ключевую роль приобретает медийная инфраструктура. В Польше 1970 г. «ксероксная революция» позволила движению «Солидарность» обеспечить информационное опережение до такой степени, что введение чрезвычайного положения уже не смогло остановить обретшей общенациональный размах деятельности оппозиции. В странах Восточной Европы в 1989 г. эту роль сыграл подрыв партийно-государственной монополии на СМИ, прежде всего телевидения.

В арабских странах, где телевидение, как правило, находится под жестким государственным контролем, роль сыграли так называемые «новые медиа» – социальные сети. Это прежде всего относится в Египту и Тунису, которые с подачи блогеров стали называть «твиттерными» революциями, однако и в Сирии, и в Ливии и даже в Йемене социальные сети сыграли одну из решающих ролей в первичной мобилизации прежде всего радикальных молодежных групп, которые практически повсюду и выступили в качестве главных застрельщиков и первичных организаторов выступлений. Остальное доделала улица. Эта технология и первичный, а также и последующий, основанный на ней ход выступлений характерен не только для перечисленных стран, но и практически для всех остальных государств арабского мира.

Эффект неожиданности, вызванный размахом арабских революций и волнений, вызвал реагирование, не отличающее адекватностью, не только у местных правящих кругов, но и в других частях мира. На Западе это была если не совсем неоправданная, то, по крайней мере, весьма преждевременная эйфория по поводу состоявшейся демократизации (недаром же в Израиле арабские события встретили скорее с беспокойством и скептицизмом, чем с воодушевлением). В России же превалирует волна публикаций конспирологического характера, общий смысл которых,

как правило, сводится к тому, что эти события были не только инспирированы, но и целиком подготовлены Западом, прежде всего США.

Нельзя сказать, что и то, и другое не имеет под собой никакой подоплеки. Еще несколько лет назад, в период правления предыдущего американского президента, администрация Дж. Буша выступила не просто с концепцией, но фактически с доктриной демократизации на Ближнем Востоке. Несмотря на скептическое отношение к этой доктрине во многих странах, включая и ряд союзников США, вашингтонское руководство, прежде всего Госдепартамент, упорно продвигали ее на практике.

Первой ласточкой этой политики стали свободные выборы на палестинской территории. Как известно, они привели к победе на части этой территории, в секторе Газа, движения «Хамас» и последовавшему за этим фактическому расколу автономии, который удалось относительно преодолеть только сейчас.

Соединенные Штаты, а вслед за ними и другие страны Запада отказались признавать движение «Хамас» в качестве партнера по любым переговорам и даже контактировать с ним, рассматривая его как террористическую организацию. Единственной стороной международного ближневосточного квартета, поддерживающей контакты с движением «Хамас», сегодня является Россия.

Этот пример уже, кажется, достаточно ясно показал, что внутренние перемены в странах Ближнего Востока, как бы их ни расценивать с ценностных позиций, не дают оснований ни для излишнего оптимизма по поводу их результатов на Западе, ни для сокрушений по поводу утраты российских интересов.

Разумеется, доктрина демократизации Ближнего Востока не ограничивалась словесными планами. Проведение ее в жизнь было связано, во-первых, с оказанием давления на руководство тех стран, которые были ее объектами, прежде всего на Египет и Тунис, с целью побудить их к смягчению режима через либерализацию избирательного законодательства и больший допуск в систему законодательной власти представителей оппозиции. Во-вторых, США, а вслед за ними и страны Евросоюза стали устанавливать прямые контакты с представителями арабской интеллигенции, молодежи и с другими секторами того, что понималось в качестве гражданского общества, не только с целью идейно-политического воздействия на них, но и для подготовки к политической деятельности по методике ненасильственных действий, разработанной американским профессором Джином Шарпом и неоднократно опробованной уже в на-

чале текущего столетия в Сербии, на Украине, в Грузии, Киргизии и в ряде других стран⁸. Этот комплекс действий понимался американской администрацией под термином “soft power” («мягкая власть»).

Обращает на себя внимание, однако, тот факт, что эта деятельность рассматривалась и проводилась вовсе не в рамках реализации политики свержения существующих режимов, а в рамках борьбы с международным терроризмом («глобальным джихадизмом» по американской терминологии).

Действительно, трудно себе представить, что, проводя курс на демократизацию Ближнего Востока, США прямо преследовали цель свержения наиболее лояльных к ним режимов, таких как египетский режим Х. Мубарака, а тем более тунисского режима З. Бен Али, который до прихода к власти проходил подготовку в спецслужбах Франции и США и всегда проводил согласованную с их руководством политику. Зато в логику их действий вполне укладывается мотивация, связанная с тем, что смягчение этих режимов параллельно с подготовкой базы демократизации за счет усиления влияния либеральных и умеренно консервативных кругов могло бы потенциально ослабить влияние в арабских странах радикального исламизма и сузить его социальную базу.

Еще в большей степени это относится к арабским монархиям, которые также оказались почти повсеместно охвачены волнениями, и вряд ли кто-либо заранее мог предсказать, чем эти волнения в том или ином случае закончатся.

Единственный арабский режим, мотивы для свержения которого, очевидно, могли иметься у стран Запада – это режим Б. Асада в Сирии. Однако события в Сирии начались существенно позже, чем в большинстве других арабских стран, и она явно выпадает в этом отношении из цепи спонтанности, перманентности общеарабского политического процесса.

Совершенно особый случай представляет собой Ливия, где практически не было контактов, а тем более интенсивной подготовки оппози-

---

⁸ Имеются в виду прежде всего книги Дж. Шарпа “The Politics of Nonviolence Action” (1973) и “A Post-Military Weapons System” (1990), переведенные на арабский язык и активно использовавшиеся при подготовке арабских выступлений. Об этом свидетельствует и ряд публикаций по этому поводу в самих арабских странах. См., например, материал “Egypt: Gene Sharp Taught Us How to Revolt”//globalvoicesonline.org/2011/04/15/Egypt_gene_sharp_taught_us_how_to_revolt/ English Global Voices. Posted 15 April 2011 22:25 GMT, где приводятся высказывания активистов и участников египетских волнений в Твиттере.

ции М. Каддафи, а начало восстания в Бенгази оказалось такой же неожиданностью для Запада, как и для соседних с ней стран.

Все это, на мой взгляд, вполне убедительно свидетельствует о том, что конспирологические концепции, при всей их внешней соблазнительности, по крайней мере недостаточны, чтобы объяснить ход и содержание панарабского политического процесса, а тем более предсказать его возможные последствия⁹.

Еще более разнятся с одномерными, часто весьма упрощенными интерпретациями результатов этого процесса его предварительные итоги, о которых пока только и можно говорить, поскольку сам процесс еще далеко не завершен. Тем не менее некоторые тенденции все же просматриваются, и они рисуют гораздо более сложную картину, чем это кажется на первый взгляд.

Среди промежуточных итогов представляется целесообразным выделить следующие.

Первые свободные выборы, прошедшие после волнений в трех странах Северной Африки – Тунисе, Марокко и Египте¹⁰, завершились во всех трех случаях победой исламских сил. Учитывая ситуацию в Алжире и Ливии, где исламисты либо являются доминирующей силой оппозиции, как в первом, либо имеют существенное присутствие в новых властных структурах, как во втором, очевидным результатом политического процесса в этом регионе является превращение исламских партий и движений из оппозиционной в ведущую политическую силу, в том числе на уровне власти.

Второй, связанный с этим результат, – превращение консервативных арабских режимов, прежде всего монархических, и в первую очередь Саудовской Аравии, в ведущую политическую силу региона, по крайней

---

⁹ Нельзя сказать, что в западных, прежде всего в американских аналитических центрах вовсе не рассматривались варианты непредвиденного, в том числе негативного для них развития событий, косвенным свидетельством чего является хотя бы концепция «контролируемого хаоса» Стивена Манна (см., например, работу Ст. Манна «Теория хаоса и стратегическое мышление» на сайте С.П. Курдюмова «Синергетика» // skurdumov.narod.ru/Start1N.htm).

¹⁰ На парламентских выборах в Марокко наибольшее число голосов и, соответственно мест в парламенте (107 из 395) получила исламистская партия «Справедливость и развитие», на выборах в Учредительное собрание Туниса 46% голосов и 15 из 39 мест в этом предпарламенте получила исламистская «ан-Нахда», в Египте в первом туре парламентских выборов 40% голосов получила партия «Свобода и справедливость», являющаяся ответвлением движения «Братья-мусульмане», еще 6% – отколовшаяся от них партия и еще 20% радикальное исламистское (салафистское) движение «ан-Нур».

мере в краткосрочной перспективе, поскольку политический ислам в этих странах уже представлен на властном уровне¹¹.

Конечно, внушительная победа исламистских сил на выборах в Египте подтвердила скепсис тех аналитиков, которые полагали, что оптимизм по поводу возможностей гражданского общества в этой стране не очень оправдан, поскольку не только село, но и городские низы в силу особенностей социальной структуры и социально-психологического климата ориентируются вовсе не на либеральные, а на традиционные ценности, связанные в значительной мере именно с исламской традицией¹².

В то же время нельзя не обратить внимания на следующий нюанс. И в Тунисе, и в Марокко в результате выборов исламисты превратились в ведущую силу, но, в отличие от Египта, не в доминирующую. Это означает, что при формировании правительств они будут вынуждены идти на коалицию с другими, в частности, либеральными политическими силами, что, в свою очередь, не может не сказаться на характере проводимой ими в будущем политики и на ее конкретном идеологическом контексте. Такая тенденция уже нашла свое отражение в ряде заявлений лидеров тунисского движения «ан-Нахда», включая заверения о стремлении сохранить светский характер государства, не вводить запретов на характер одежды женщин, их участие в политике и ряде других моментов, свидетельствующих о том, что в случае их прихода к власти они скорее будут ориентироваться на турецкий вариант политического ислама, чем на его более консервативные модели.

Еще один элемент политического процесса – усиление присутствия в политическом спектре многих арабских стран, включая тот же Египет, Тунис, Йемен, левых сил. Это усиление, возможно, не столь заметно, как продвижение исламистов, но оно является признаком растущей поляризации общества. В свою очередь, поляризация общества не может не затрагивать ситуации в сфере его политических исламистских структур.

В частности, в Египте после выборов уже в начале 2012 г. «братья-мусульмане» окажутся перед дилеммой – либо вступать в коалицию с радикалами из движения «ан-Нур», либо ориентироваться на коалицию с также проходящими в парламент либеральными силами. Очевидно, что

---

¹¹ В связи с этим обратило на себя довольно амбициозное заявление эмира Катара о том, что Запад должен смириться с развитием событий в арабском мире и проводить свою политику там в соответствии с изменившимися реалиями...

¹² Подробнее об этом см.: Труевцев К.М. Ислам и глобализация: проблемы адаптации // Полития. 2007. № 4.

от этого будет зависеть характер будущего правительства и его политический курс.

Еще один вывод, который можно сделать из событий в арабском мире в 2011 г.: хотя волнения, как это было показано в данном материале, затронули практически все арабские страны, они затронули их по-разному и привели к разным результатам. Если в арабских монархиях они носили преимущественно реформистский характер и не затрагивали монаршей власти, в республиках они, как правило, приводили к свержению существующих режимов, либо, по крайней мере, вплотную подводили к этой грани.

Этот факт выводит нас на проблематику, связанную с характером политических режимов, не только охватывающую регион в целом, но и выходящую за его пределы.

Кризис современного авторитаризма

Несмотря на переход в последней трети XX в. многих стран Восточной Европы, Латинской Америки и Азии к демократии, авторитаризм по-прежнему остается достаточно распространенной формой политических режимов; хотя ареал его преобладания сузился, он продолжает охватывать значительную часть государств Азии, Африки и постсоветского пространства¹³.

Авторитаризм, ведя свое происхождение из доиндустриальной эпохи, когда он был господствующим типом политического устройства в виде

---

¹³ Из 193 стран – членов ООН на начало 2011 г. около 80 были государствами с отчетливо демократическими режимами, 4 оставались тоталитарными и около 50 имели отчетливо авторитарные режимы. В расчет не принимались малозначимые острова Океании, Карибского бассейна, а также находящиеся у побережья Африки и Южной Америки. За этим вычетом остались сомнительными страны либо с крайне неустойчивыми режимами типа Нигерии и Пакистана, либо страны с отсутствующей или неустоявшейся центральной властью, такие как Сомали, Афганистан, Ирак, Либерия и пр., а также страны, где конституционные демократические устои сочетаются с функциональным авторитаризмом, такие как Армения, Грузия, Россия и пр. Таких стран было немногим более 20, из них больше половины в Африке, остальные в Азии и на постсоветском пространстве. Таким образом, вопреки довольно распространенному мнению, авторитаризм сегодня уже не является наиболее часто встречающимся типом политического режима, причем около 30 стран с такими режимами было в Африке, почти все остальные в Азии и на постсоветском пространстве, и только одна из них – Белоруссия – в Европе. Расчет сделан по Списку стран мира (stranymira.com/strany.html).

абсолютных монархий, претерпел существенные изменения, сохранившись в классическом виде, пожалуй, только в одной стране мира – в Саудовской Аравии. Во всех остальных авторитарных государствах он присутствует в виде двух основных форм – ограниченных, в основном конституционных, монархий и президентских республик.

Среди основных, если угодно, телеологических функций авторитаризма, можно выделить две: национальную консолидацию и первичную модернизацию. Обе эти функции проявляют себя уже в классических формах авторитаризма, особенно на завершающих этапах их исторического развития. Не менее акцентированно они проявляют себя и в современном авторитаризме.

При этом следует отметить, что современный авторитаризм изначально носит транзитный характер, что было в свое время замечено еще г. Алмондом и Дж. Пауэллом, называвшими режимы такого типа на основе исследования Мексики конца 50-х – начала 60-х годов XX в. «доиндустриальными или частично индустриальными».

Арабский регион с получением его государствами независимости является, на мой взгляд, довольно наглядной иллюстрацией к той части типологии политических систем Ж. Блонделя, которая касается развивающихся стран: разделение их на два типа – консервативные и популистские (прогрессистские). Этим двум типам соответствуют последовательно монархические и республиканские арабские режимы. Соответственно, в первых осуществлялся консервативный тип модернизации, во вторых – радикальный, как правило, связанный в 60–70-е годы XX в. с разного рода социалистическими экспериментами¹⁴.

Однако в последующие два десятилетия, и особенно в период советской перестройки, а затем и крушения мировой социалистической системы, в арабских странах наметился определенный тренд в сторону демократии. Почти повсюду была либо введена, либо получила дальнейшее развитие многопартийная система, высшая законодательная и исполнительная власть стала формироваться на основе всеобщих выборов. Однако, если в странах с монархическими режимами, такими как Иордания,

---

¹⁴ Типология арабских режимов, большее приближение монархических режимов к демократическим формам выборов и механизму формирования исполнительной власти по сравнению с республиканскими была посвящена моя работа 2005 г., где в качестве центральных моделей арабского авторитаризма описывалась монархическая (иорданомарокканская) и республиканская (египетско-тунисская). См.: Труевцев К.М. Политические системы арабских стран: между авторитаризмом и демократией // Азия и Африка сегодня. 2005. № 7.

Марокко, Кувейт, Бахрейн, Катар, развивалась реальная избирательная конкуренция, а правительства стали формироваться представителями победивших на выборах партий или коалиций, в арабских республиках – Египте, Тунисе, Сирии, Йемене – многопартийность и всеобщие выборы в парламент носили в основном имитационный характер. В первых трех странах продолжали существовать доминирующие партии, состоявшие из представителей бюрократии и целиком подчинявшиеся президентской власти, в Йемене, при видимой несколько большей конкуренции, основную роль продолжала играть не межпартийная борьба, а опора президентской власти на армию и доминантные племенные союзы.

Президентские выборы носили либо откровенно бесконкурентный характер, когда голосование происходило за единственного кандидата, либо эта конкуренция носила фиктивный характер, когда конкурирующий кандидат выставлялся по предварительной закулисной договоренности и фактически ни своей программой, ни личными качествами, ни политическим ресурсом заведомо не был и близко сопоставим с действующим президентом.

Попытка более глубокой демократизации в Алжире в начале 80-х годов привела к фактической победе на выборах исламистской оппозиции и длительной гражданской войне.

Что касается Ирака в период правления Саддама Хусейна и Ливийской Джамахирии, там, в силу особенностей их политического устройства, подобные эксперименты с многопартийностью и выборами не только не проводились, но и представлялись вовсе невыполнимыми в силу их несопоставимости с природой и характером власти.

Обозначившийся в конце XX столетия тренд в сторону демократизации не был обусловлен только внешними причинами. С более или менее полным переходом к индустриальному обществу обе основные функции авторитаризма оказываются близкими к исчерпанию, реалии индустриальной эпохи и появившиеся в связи с ней новые слои выражают потребность в новом политическом устройстве. Этот эффект усиливается в современный период, когда развитые страны уже перешли в постиндустриальную стадию развития и оказывают прямое или косвенное воздействие на развивающиеся страны через имманентный этой стадии процесс глобализации.

В результате большинство населения, и особенно его политически активные группы, утрачивает мотивацию к поддержке авторитарных режимов, требует изменения существующих порядков в направлении демократии.

Через эту критическую стадию авторитаризма прошли последовательно многие страны Латинской Америки, Южная Корея, Тайвань, Филиппины, Индонезия и ряд других государств Азии и Океании. Сейчас этот момент наступил для стран арабского мира.

Именно поэтому требование демократических реформ стало всеобщим практически для всех арабских стран, где этот переход еще не состоялся. Вместе с тем, как уже отмечалось, это требование обрело разные формы в государствах с монархическим и республиканским устройством. Если в монархиях, таких как Марокко, Иордания, Бахрейн, Кувейт, оно сводилось (и, как правило, привело) к отставке правительств и реформированию избирательной системы, ограничению роли монархов в формировании исполнительной власти, но не затрагивало самой сути монархического строя, в республиках, таких как Тунис, Египет, Ливия и Йемен, требование демократизации привело не просто к волнениям, но к насильственной смене политических режимов.

Это показало, что консервативные режимы оказались более устойчивыми к кризисной ситуации и подготовлены к эволюционному продвижению в сторону демократизации, а в республиках для реформирования потребовалось устранение президентов как главного элемента авторитарного режима. К тому же приход к власти в большинстве из них исламистов оставляет вопрос о том, как дальше пойдет в них демократизация и пойдет ли она вообще, открытым.

Глобальные последствия

Если кто-либо предполагал, что «арабская весна» останется лишь феноменом локального, регионального уровня, сейчас уже совершенно очевидно несостоятельность подобных предположений. Столь же очевидна несостоятельность упований, что любая сколь-нибудь значимая страна останется «тихой гаванью» в бурлящем потоке, охватившем весь мир.

В отличие от арабского мира, волнения, охватившие Запад, как правило, напрямую связаны с кризисом. Прежде всего это относится к волне, начавшейся с Соединенных Штатов и прокатившейся по 80 странам под лозунгом «Захвати Уолл-стрит», а также к выступлениям в Греции, Италии, Испании и Португалии, направленным против экономической политики правительства и нередко возглавляемым профсоюзами при активном участии левых и крайне левых сил.

Из этого общего ряда выбиваются события в Англии, которые, если говорить утилитарно, выглядели как банальное мародерство, но охват этих волнений, а также то, что они вовсе не сводились к ограблениям магазинов, а включали также и поджоги, и столкновения с полицией, свидетельствует о том, что это, все же, скорее бунт против потребительского общества, бунт отчаяния неприкаянной молодежи, не вписавшейся в устои современного ей общества.

Если посмотреть на массовые акции протеста в Индии и на то, что происходило в Китае, это тоже не вписывается в картину реакции на экономический кризис. Во-первых, потому что эти страны кризис практически не затронул. Во-вторых, потому что в Индии они были направлены против коррупции, охватившей систему власти, и заставили законодательную власть принять антикоррупционное законодательство, в Китае они были направлены на то, чтобы побудить власть к реформам политической системы в направлении демократии, особенно если обратить внимание на эпизоды с самовывдвижением рядовых граждан в органы местной власти.

Таким образом, в ходе принявших глобальный масштаб волнений вырисовывается целый калейдоскоп различных мотиваций, который никак не сводится к реакции на кризис.

И все же в этом калейдоскопе можно усмотреть кое-что общее.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что повсюду инициатором выступлений была молодежь, организованная через социальные сети, и, таким образом, все эти выступления можно, по аналогии с «арабской весной», назвать «твиттерными» революциями.

Аналогия, впрочем, на этом не заканчивается. Повсюду это выступления против существующих порядков, против власти – там, где эта власть не прислушивается к голосу граждан, их чаяниям и потребностям. «Захвати Уолл-стрит» – это против власти финансовой олигархии, но и против власти политической, которая в разгар кризиса спасала банки, но либо вовсе не спасала граждан, либо делала крайне недостаточно для их спасения. «Нас 99%» – напоминание о том, что в сложной экономической ситуации пострадали рядовые граждане, в то время как финансовые «жирные коты» продолжали получать шестизначные бонусы, а избранная народом законодательная и исполнительная власть стояла на их стороне, но не на стороне избравших ее граждан. Это в определенной степени кульминация тенденций падения доверия к власти, существующим

политическим партиям, которая фиксировалась социологами на протяжении последних трех десятилетий.

Когда прерывается постепенность политического развития, всегда возникают новые массовые движения, приводящие в действие методы прямой демократии. Особенность нынешнего развертывания событий состоит в том, что социальные сети дали беспрецедентные возможности быстрой, до спонтанности динамичной организации массовых движений, принявшей глобальные масштабы.

Однако эти массовые движения не взялись вдруг ниоткуда. Подобно тому как в 60-е годы XX в. первоначально довольно узкое, элитарное движение битников заложило основы массовой контркультуры хиппи, которая обрела широкий политический смысл в массовом антивоенном движении, переросшем в еще более массовое движение протеста, проявившееся в виде молодежных бунтов в США, массовых выступлений по всей Европе и студенческом восстании в Париже, нынешние выступления имели предшественника в виде движения антиглобалистов. Но если последнее носило скорее контркультурный и в этом смысле несколько карнавальный характер, сегодняшнее движение протеста уже приняло отчетливо политический характер. При этом относительный спад накала политических страстей, наметившийся в последние два месяца 2011 г., может носить лишь временный характер, поскольку очаги протеста по-прежнему сохраняются, а причины, его вызвавшие, не устранены.

Но как бы ни развивались события в дальнейшем, уже произошедший всплеск глобального протестного движения, скорее всего, будет иметь институциональные последствия. Подобно тому как протестные движения 60-х годов XX в. привели к появлению крупных правозащитных и экологических организаций, часть из которых, такие как Amnesty International, Human Rights Watch, Greenpeace приобрела международные масштабы, нынешнее движение имеет все и даже большие шансы подобной институционализации, учитывая сетевые возможности Интернета.

Последствия для стран СНГ

Когда некоторые западные аналитики и политические деятели, а также представители российской внесистемной оппозиции еще летом 2011 г. предрекали российской власти возможность волнений, подобных арабским, это было встречено скептически не только руководством и высши-

ми чиновниками, но и многими гражданами России, в том числе и теми, которые по разным причинам недовольны властью. Митинг на Болотной площади в Москве 10 декабря 2011 г., а также массовые митинги, прошедшие в этот же день в Санкт-Петербурге, Владивостоке, Екатеринбурге и ряде других городов, показали, что эти прогнозы оппозиции имели под собой основание. Отношение правоохранительных органов к митингу (учитывая то, что состоявшийся за несколько дней до этого менее многочисленный митинг на Чистых прудах подвергся давлению со стороны полиции, а значительное число его участников было арестовано) и поведение высших представителей власти после него показали, что ситуация в России меняется кардинальным образом¹⁵.

Прежде всего они показали, что политическая легитимность власти, которая еще в начале года была близка к абсолютной (рейтинги В. Путина превышали 75%) и в результате которой было принято ошибочное, по мнению ряда аналитиков, решение В. Путина баллотироваться на следующий президентский срок, стала резко падать не только среди политической элиты (признаки чего появились еще летом), но теперь уже и среди представителей среднего класса. Они показали также, что тренд в сторону демократизации, обозначившийся со стороны власти в течение последних двух лет, по мнению значительной части населения, представляется недостаточным, а справедливость и честность состоявшихся выборов в Государственную думу подвергаются сомнению.

15 декабря начались волнения в Казахстане. Это первые с начала 90-х годов беспорядки в этой самой стабильной и наиболее динамично развивающейся республике на постсоветском пространстве.

Если к этому прибавить, что волнения в Белоруссии совсем недавно удалось приглушить главным образом посредством мощных финансовых вливаний со стороны России, за счет чего удалось несколько стабилизировать экономическое положение, становится ясно, что политическая нестабильность захватила все интеграционное ядро постсоветского пространства, учитывая тот факт, что сама интеграция в рамках Таможенного и будущего Евразийского союза в значительной мере держится на личной унии трех его лидеров, а легитимность каждого из них как раз и подвергается сегодня наиболее серьезным испытаниям.

---

¹⁵ Збигнев Бжезинский назвал текущую ситуацию «пробуждением России», заметив, однако, что российские события «не поддаются текущему прогнозу». Из интервью З. Бжезинского Проекту Terra America 16 декабря 2011 г. (www.regnum.ru/news/polit/1479443.html).

Если таково положение в относительно еще спокойном ядре постсоветского пространства, то признаки нестабильности, которые время от времени проявляют себя во всех остальных странах, вряд ли заставят долго ждать перехода латентной фазы нестабильности в активную при малейшем изменении политической конъюнктуры.

Авторитарный характер политических режимов в этих условиях сам по себе становится потенциальным источником опасности, поскольку современный авторитаризм не содержит механизма перехода власти, поэтому уход лидера или даже резкое ослабление его позиций почти автоматически провоцирует политический кризис. Это ситуация, которая существует сегодня в трех республиках Центральной Азии, – Казахстане, Узбекистане и Таджикистане, а также в Белоруссии.

Несколько особняком выглядит ситуация в Азербайджане, где квазимонархический способ передачи власти после кончины прежнего национального лидера способствовал стабилизации ситуации в условиях крайне благоприятной экономической конъюнктуры. Однако сирийский пример показывает, что такая стабилизация может оказаться весьма кратковременной.

В крайне сложном положении оказываются и страны с нестабильной демократией, каковыми являются Украина, Молдавия и Киргизия. Опыт периода между двумя мировыми войнами показал, что восточноевропейские страны – Польша, Венгрия, Чехословакия, прибалтийские республики в таких условиях, как правило, проходили через перерождение режима в сторону авторитаризма (что и произошло со всеми этими странами, за исключением Чехословакии) и оказывались в любом случае уязвимыми перед лицом аннексии со стороны внешних сил. В данных условиях на Украине и в Киргизии одной из главных угроз является угроза внутреннего распада, в Молдавии же распад является реальностью, но к нему прибавляется еще и угроза поглощения соседней Румынией.

Что касается Армении и Грузии, политический режим в которых во многом аналогичен российскому и характеризуется нередко как режим «управляемой демократии», или, иначе, «функционального авторитаризма»¹⁶, они уже прошли ряд важных эпизодов политической

---

¹⁶ Вводимый мною термин для характеристики гибридной формы политического режима, содержащего сильные и в существе не подвергаемые пересмотру конституционные основы демократии, но при этом использующего преимущественно авторитарные методы функционирования основных политических институтов, включая манипулирование выборами, авторитарный способ формирования партийной системы, сведение к

нестабильности¹⁷, что отнюдь не гарантирует стабилизации, поскольку условия сохранения нестабильности не устранены.

В очерченных условиях именно у России сохраняются, пожалуй, наибольшие шансы пройти полосу нестабильности с наименьшими потерями, однако только в том случае, если политический режим не утратил окончательно способности адекватного реагирования на изменившуюся внутривнутриполитическую ситуацию и пойдет на быстрые и достаточно радикальные упреждающие шаги по демократизации политических институтов.

Заключение

Обзор политических событий 2011 г. позволяет сделать следующие выводы:

1. Современный мир, переживавший период относительной политической стабилизации после террористических атак 11 сентября 2001 г. и последовавших за этим военных экспедиций в Афганистане и Ираке, в 2011 г. вступил в полосу политической турбулентности, носящей глобальный характер и имеющей глобальные последствия.
2. Несомненно, главным политическим событием года стали волнения в арабских странах, беспрецедентные по уровню спонтанности и широте охвата. Они происходили почти во всех, за крайне редкими исключениями, странах региона и привели к существенным изменениям в содержании и характере практически всех режимов, в рамках которых они происходили. Однако, если в монархических режимах следовавшие за волнениями изменения носили эволюционный характер, в ряде республиканских государств эти волнения либо привели к свержению правящих режимов, либо поставили эти государства на грань гражданской войны.
3. События в арабском мире стали детонатором волнений, которые прокатились по всему миру. Они затронули большинство значимых

минимуму системы разделения властей, ограничение свободы средств массовой информации и пр.

¹⁷ Попытка консолидации через военное вторжение в отделившиеся от нее территории стоила Грузии, как известно, потери этих территорий и образования на них независимых Абхазии и Южной Осетии.

стран мира, включая наиболее важные державы Запада, Индию, Китай, а также ряд стран СНГ, включая Россию.

4. Судя по всему, мы имеем дело вовсе не с окончанием, а лишь с началом глобального процесса, поскольку причины, породившие волнения, не устранены, а экономический кризис, который углубляется в ряде ведущих экономик Запада, может служить катализатором дальнейшего разрастания волнений. Возобновление протестного движения в ряде арабских стран в последние месяцы года и вовлечение стран СНГ в эту протестную волну, видимо, обозначает вектор дальнейшего развития событий.

5. Этот политический процесс уже повлек и, очевидно, в дальнейшем еще более повлечет институциональные изменения во внутривострановых, региональных и глобальном измерениях.

6. Если в демократических странах эти изменения касаются возможного возникновения новых политических институтов и эволюции уже имеющихся, аналогично тому, как это происходило в конце 60-х годов XX в., в авторитарных государствах это приводит и частично уже привело к изменению правящих режимов, включая свержение целого ряда таких режимов.

7. Протестное движение и уже состоявшиеся его результаты продемонстрировали глубокий кризис авторитаризма как формы политического режима. Это еще не означает, что все авторитарные режимы будут автоматически заменены демократическими, однако в случае замены одной формы авторитаризма на слегка обновленную иную, либо превращение политического процесса в дурную бесконечность череды авторитаризма и слабой, неустойчивой демократии, заканчивающейся новым авторитарным правлением, такие страны будут обречены на социально-политическую стагнацию и выпадение из общей колеи мирового развития.

8. В целом политический процесс, обозначившийся в 2011 г., по ряду параметров уже сейчас может претендовать на то, чтобы быть охарактеризованным как новая демократическая волна.

Препринт WP14/2011/05

Серия WP14

*Политическая теория
и политический анализ*

Труевцев Константин Михайлович

Год 2011 – новая демократическая волна?

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,7
Усл. печ. л. 1,65. Заказ № . Изд. № 1399

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Тел.: (499) 611-24-15